

МАЛЕНЬКАЯ БИБЛИОТЕКА

МОРОЗ ИВАНОВИЧ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1937

В. ОДОЕВСКИЙ

0 441

МОРОЗ ИВАНОВИЧ

Рисунки
К. КЛЕМЕНТЬЕВОЙ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО
СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1987 ЛЕНИНГРАД

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор Н. ШЕР.
Худож. редактор С. АЛЯНСКИЙ.
Технич. редактор Р. КРАВЦОВА.
Корректоры { О. ЗАЙКОВСКАЯ
 и С. НИЖНЯЯ.

Сдано в производство 15/III 1937 г.
Подписано к печати 8/IV 1937 г.
Формат 84 x 118²/₃ в. 1¹/₄ печати. л.
Детиздат № 1228. Индекс Д-5.
Уполномоченный Главлита Б-13089.
Тираж 200,300 экз. Заказ № 406.

Фабрика детской книги изд-ва
детской литературы ЦК ВЛКСМ,
Москва, Сушевский вал, 49.

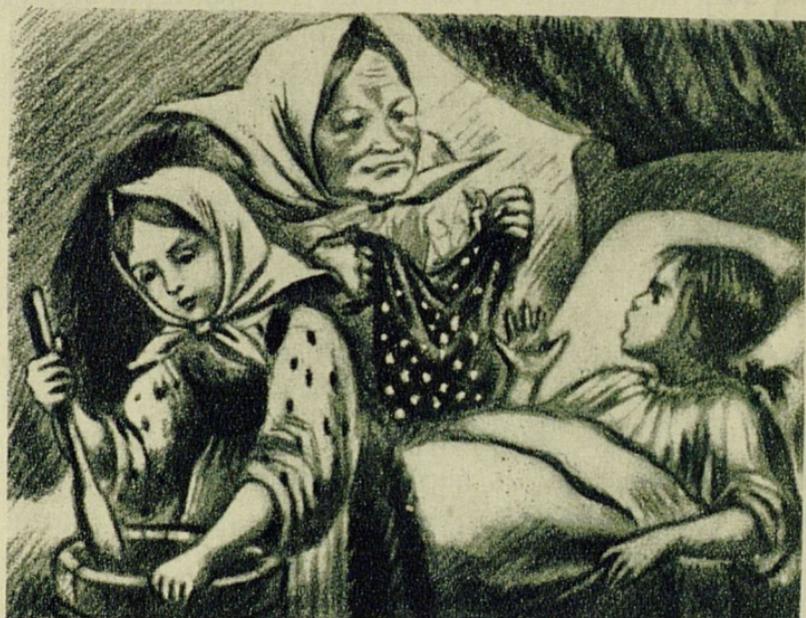
~~33922~~

89-2961

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

680483 Кх-рег

Российская государственная
детская библиотека

В одном доме жили две девочки — Рукодельница да Ленивица, а при них нянюшка. Рукодельница была умная девочка: рано вставала, сама, без нянюшки, одевалась, а вставши с постели, за дело принималась: печку топила, хлеба месила, избу мела, петуха кормила, а потом на колодец за водой ходила. А Ленивица меж тем в постельке лежала, потягивалась, с боку на бок переваливалась; уж разве наскучит лежать, так скажет спросонья: «Нянюшка, надень мне чулки, нянюшка, завяжи башмачки», а потом заговорит: «Нянюшка, нет ли булочки?» Встанет, попрыгает да и сядет к окошку мух считать: сколько прилетело да сколько улетело.

Как всех пересчитает Ленивица, так уж и не знает, за что приняться и чем бы заняться; ей бы в постельку — да спать не хочется; ей бы покушать — да есть не хочется; ей бы к окошку мух считать — да и то надоело. Сидит, горемычная, и плачет, да жалуется на всех, что ей скучно, как будто в том другие виноваты.

Между тем Рукодельница воротится, воду процедит, в кувшины нальет; да еще какая затейница: коли вода нечиста, так свернет лист бумаги, наложит в нее угольков да песку крупного насыплет, вставит ту бумагу в кувшин да нальет в нее воды, а вода-то, знай, проходит сквозь песок да сквозь уголья и каплет в кувшин чистая, словно хрустальная; а потом Рукодельница примется чулки вязать или платки рубить, а не то и рубашки шить да кроить, да еще рукодельную песенку затянет; и не было никогда ей скучно, потому что и скучать-то было ей некогда: то за тем, то за другим делом, тут смотришь и вечер — день прошел.

Однажды с Рукодельницей беда приключилась: пошла она на колодец за водой, опустила ведро на веревке, а веревка-то и оборвись; упало ведро в колодец. Как тут быть? Расплакалась бедная Рукодельница да и пошла к нянюшке рассказывать про свою беду и несчастье; а нянюшка Прасковья была такая строгая и сердитая, говорит:

— Сама беду сделала, сама и поправляй; сама ведерко утопила, сама и доставай.

Нечего было делать: пошла бедная Рукодельница

опять к колодцу, ухватила за веревку и спустилась по ней к самому дну. Только тут с ней чудо случилось. Едва спустилась, смотрит: перед ней печка, а в печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

— Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня из печки возьмет, тот со мной и пойдет!

Рукодельница, нимало не мешкая, схватила лопатку, вынула пирожок и положила его за пазуху.

Идет она дальше. Перед нею сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки; яблочки листьями шевелят и промеж себя говорят:

— Мы яблочки наливные, созрелые; корнем дерева питались, студеной росой обмывались; кто нас с дерева стрясет, тот нас себе и возьмет.

Рукодельница подошла к дереву, потрясла его за сучок, и золотые яблочки так и посыпались к ней в передник.

Рукодельница идет дальше. Смотрит: перед ней сидит старик Мороз Иванович, седой-седой; сидит он на ледяной лавочке да снежные комочки ест; тряхнет головой — от волос иней сыплется, духом дохнет — валит густой пар.

— А! — сказал он. — Здорово, Рукодельница! Спасибо, что ты мне пирожок принесла; давным-давно уж я ничего горяченького не ел.

Тут он посадил Рукодельницу возле себя, и они вместе пирожком позавтракали, а золотыми яблочками закусили.

— Знаю я, зачем ты пришла, — говорит Мороз Иванович: — ты ведро в мой студенец опустила; отдать тебе ведро отдам, только ты мне за то три дня прослужи; будешь умна, тебе же лучше; будешь ленива, тебе же хуже. А теперь, — прибавил Мороз Иванович, — мне, старику, и отдохнуть пора; подка приготовь мне постель, да, смотри, взбей хорошенько перину.

Рукодельница послушалась. Пошли они в дом. Дом у Мороза Ивановича сделан был весь из льда: и двери, и окошки, и пол ледяные, а по стенам украшено снежными звездочками; солнышко на них сияло, и все в доме блестело, как бриллианты. На постели у Мороза Ивановича вместо перины лежал снег пушистый: холодно, а делать было нечего. Рукодельница принялась взбивать снег, чтоб старику помягче спать, и у ней, бедной, руки окостенели и пальчики побелели.

— Ничего, — сказал Мороз Иванович, — только снегом пальцы потри, так и отойдут, не ознобишь. Я ведь старик добрый; посмотри-ка, что у меня за диковинки.

Тут он приподнял свою снежную перину с одеялом, и Рукодельница увидела, что под периною пробивается зеленая травка. Рукодельнице стало жаль бедной травки.

— Вот ты говоришь, — сказала она, — что ты старик добрый, а зачем ты зеленую травку под снежной периной держишь, на свет не выпускаешь?

— Не выпускаю потому, что еще не время; еще

— Спасибо, что ты мне пирожок принесла.

травка в силу не вошла. Ее осенью посеяли, она и взошла, и кабы вытянулась она, то зима бы ее захватила и к лету травка бы не вызрела. Вот я, — продолжал Мороз Иванович, — и прикрыл молодую зелень моей снежной периной, да еще сам прилет на нее, чтобы снег ветром не разнесло, а вот придет весна, снежная перина растает, травка заколосится, а там, смотришь, выглянет и зерно, а зерно мужик соберет да на мельницу отвезет; мельник зерно смелет и будет мука, а из муки ты, Рукодельница, хлеб испечешь.

— Ну, а скажи мне, Мороз Иванович, — сказала Рукодельница, — зачем ты в колодце-то сидишь?

— Я затем в колодце сижу, что весна подходит, — сказал Мороз Иванович, — мне жарко становится; а ты знаешь, что летом в колодце холодно бывает, оттого и вода в колодце студеная, хоть посреди самого жаркого лета.

— А зачем ты, Мороз Иванович, — спросила Рукодельница, — зимою по улицам ходишь да в окошки стучишься?

— А я затем в окошки стучусь, — отвечал Мороз Иванович, — чтоб не забывали печей топить да трубы во-время закрывать; а не то ведь, я знаю, есть такие неряхи, что печку истопить истопят, а трубу закрыть не закроют, или и закрыть закроют, да не во-время, когда еще не все угольки прогорели, а оттого в горнице угарно бывает, голова у людей болит, в глазах зелено; даже и совсем умереть от угара можно.

Пошли они в дом.

Тут добрый Мороз Иванович погладил Рукодельницу по головке да и лег почивать на свою снежную постельку.

Рукодельница меж тем все в доме прибрала, пошла на кухню, кушанье изготовила, платье у старика починила и белье выштопала.

Старичок проснулся; был всем очень доволен и поблагодарил Рукодельницу. Потом сели они обедать; стол был прекрасный, и особенно хорошо было мороженое, которое старик сам изготовил.

Так прожила Рукодельница у Мороза Ивановича целых три дня.

На третий день Мороз Иванович сказал Рукодельнице:

— Спасибо тебе, умная ты девочка; хорошо ты меня, старика, утешила, но я у тебя в долгу не останусь. Ты знаешь: люди за рукоделье деньги получают, так вот тебе твое ведерко, а в ведерко я всыпал целую горсть серебряных пяточков; да сверх того, вот тебе на память бриллиантик — косыночку закалывать.

Рукодельница поблагодарила, приколола бриллиантик, взяла ведерко, пошла опять к колодцу, схватилась за веревку и вышла на свет.

Только что она стала подходить к дому, как петух, которого она всегда кормила, увидел ее, обрадовался, взлетел на забор и закричал:

— Кукареку, кукареку!

У Рукодельницы в ведерке пятаки!

Рукодельница увидела, что под периною
пробивается зеленая травка.

Когда Рукодельница пришла домой и рассказала все, что с ней было, нянюшка очень дивовалась, а потом промолвила:

— Вот видишь ты, Ленивица, что люди за рукоделье получают! Поди-ка к старичку да послужи ему, поработай; в комнате у него прибирай, на кухне готовь, платье чини да белье штопай, так и ты горсть пяточков заработаешь, а оно будет кстати: у нас к празднику денег мало.

Ленивице очень не по вкусу было идти к старичку работать. Но пяточки ей получить хотелось и бриллиантовую булавочку тоже.

Вот, по примеру Рукодельницы, Ленивица пошла к колодцу, схватилась за веревку да и бух прямо ко дну. Смотрит — и перед ней печка, а в печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

— Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня возьмет, тот со мной и пойдет!

А Ленивица ему в ответ:

— Да, как же не так! Мне себя утомлять, лопатку поднимать да в печку тянуться; захочешь, сам выскочишь.

Идет она далее, перед нею сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки; яблочки листьями шевелят да промеж себя говорят:

— Мы яблочки наливные, созревшие; корнем дерева питались, студенной росой обмывались; кто нас с дерева стрясет, тот нас себе и возьмет.

Старик сделал обед на славу.

— Да, как бы не так! — отвечала Ленивица. — Мне себя утомлять, ручки подымать, за сучья тянуть: успею набрать, как сами попадают!

И прошла Ленивица мимо них. Вот дошла она и до Мороза Ивановича. Старик попрежнему сидел на ледяной скамеечке да снежные комочки прикусывал.

— Что тебе надобно, девочка? — спросил он.

— Пришла я к тебе, — отвечала Ленивица, — послужить да за работу получить.

— Дельно ты сказала, девочка, — отвечал старик, — только посмотрим, какова еще твоя работа будет. Поди-ка взбей мою перину, а потом кушанье изготовь; да платье мое повычини, да белье повыштопай.

Пошла Ленивица, а дорогой думает:

«Стану я себя утомлять да пальцы знобить, авось старик не заметит и на невзбитой перине уснет».

Старик в самом деле не заметил или прикинулся, что не заметил, лег в постель и заснул, а Ленивица пошла на кухню. Пришла на кухню, да и не знает, что делать. Кушать-то она любила, а подумать, как готовилось кушанье, это ей и в голову не приходило; да и лень было ей посмотреть.

Вот она огляделась: лежит перед ней и зелень, и мясо, и рыба, и уксус, и горчица, и квас — все по порядку. Вот она думала, думала, кое-как зелень обчистила, мясо и рыбу разрежала, да чтоб большого труда себе не давать, как все было, мытое-немытое, так и положила в кастрюлю: и зелень, и мясо, и рыбу, и горчицу, и уксус, да еще квасу подлила, а сама думает:

«Зачем себя трудить, каждую вещь особо варить? Ведь в желудке все вместе будет».

Вот старик проснулся, просит обедать. Ленивица притащила ему кастрюлю, как есть, даже скатерть не постлала. Мороз Иванович попробовал, поморщился, а песок так и захрустел у него на зубах.

— Хорошо ты готовишь, — заметил он, улыбаясь. — Посмотрим, какова твоя другая работа будет.

Ленивица отведала да тотчас и выплюнула, а старик покряхтел, покряхтел да принялся сам готовить кушанье и сделал обед на славу, так что Ленивица пальчики облизала, кушая чужую стряпню.

После обеда старик опять лег отдохнуть да припомнил Ленивице, что у него платье не починено да и белье не выштопано.

Ленивица понадулась, а делать было нечего; принялась платье и белье разбирать; да тут и беда: платье и белье Ленивица нашивала, а как его шьют, о том и не спрашивала; взяла было иголку, да с непривычки укололась; так ее и бросила.

А старик опять будто бы ничего не заметил, ужинать Ленивицу позвал да еще спать ее уложил.

А Ленивице то и любо; думает себе:

«Авось и так пройдет. Вольно было сестрице на себя труд принимать; старик добрый, он мне и так, задаром, пяточков подарит».

На третий день приходит Ленивица и просит Мороза Ивановича ее домой отпустить да за работу наградить.

— Да какая же была твоя работа? — спросил

старичок. — Уж коли на правду дело пошло, так ты мне должна заплатить, потому что не ты для меня работала, а я тебе служил.

— Да, как же! — отвечала Ленивица. — Я ведь у тебя целые три дня жила.

— Знаешь, голубушка, — отвечал старичок, — что я тебе скажу: работа работе рознь; какова твоя работа, такова будет тебе и награда.

С этими словами Мороз Иванович дал Ленинице пребольшой серебряный слиток, а в другую руку — пребольшой бриллиант.

Ленивица так этому обрадовалась, что схватила то и другое и, даже не поблагодарив старика, домой побежала.

Пришла домой и хвастается.

— Вот, — говорит, — что я заработала; не сестре чета, не горсточку пяточков да не маленький бриллиантик, а целый слиток серебряный, вишь, какой тяжелый, да и бриллиант-то чуть не с кулак... Уж на это можно к празднику обнову купить...

Не успела она договорить, как серебряный слиток растаял и полился на пол; он был не иное что, как ртуть, которая застыла от сильного холода; в то же время начал таять и бриллиант. А петух вско-
чил на забор и громко закричал:

— Кукареку, кукарекулька!

У Ленивицы в руках ледяная сосулька!

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
дома детской книги
ДЕТГИЗА

680483
Российская государственная
детская библиотека

Проб. 1969

Проб. 1969

33922

1967-68 г.

0441

Одоевский

Мороз Иванович

1937

30к

28.6.82

Н. Воронцов

33922

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

К

100 =

ЦЕНА 30 коп

